

корифеев духа в Москве в разгар сталинских чисток в 1935 году произвело на меня огромное впечатление. В булгаковских биографиях это событие иногда проскакивает как незначительный эпизод, в биографиях Экзюпери не встречается вообще. Таково видение ситуации с профанной стороны.

Каково подлинное значение этого свидания младшего мастера с русским “невыездным” узником режима объяснено на страницах обоих исследований. Вчитайтесь и упейтесь сладостью безграничных возможностей Высших Сил! Воистину мы живём в средоточии чудес, надо только уметь правильно прочесть подлинный смысл событий.

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Биогенез не терпит компромиссов. Особь всегда несёт наказание за искажения среды. Среда заедает царя зверей аки кролика. И человек начинает перегруппировывать свои молекулы, а общество – молекулы людей. Удивительно, что животный мир, как мир живого, наблюдает за этим смертельным трюком человечества не без опаски. Но оказывается, человек способен группироваться не только по принципу стада, стаи для охоты, прайда-“детсада”. Есть и другие принципы объединения. *Со-знание, со-ответствие, со-бытие, с-частье*.¹ Духовное единство – выстраданный принцип

¹ Сумма терминов, составляющих объединённое понятие «соборность».

бытия. Но как свернуть территорию в свиток? Как вывернуть его в новое измерение?

И вот вспыхнула искрой самодеятельности Хомо Сапиенса – культура, означающая улучшение среды обитания, а понедельник и вторник уже светились от совершенства.² Древние цивилизации были преисполнены сознания равнодействия внутренней и внешней среды (понятие *микро-* и *макрокосмоса*), и работа шла в обе стороны. Строгость соответствия законам природы-фюсиса сочеталась с не меньшей строгостью отношения к законам внутренней природы – *нуса, психе*. Производство пропагандистской баланды в позднейшие времена соседствовало с производством высших духовных ценностей, и пробирная палата была подлинно неподкупна. Поэтому, собственно, и существует мировая духовная культура как реальность, а не умозрительная фикция. Каждый объект культуры, теперь справедливо называемый памятником, есть аккумулятор духовной энергии, начинённый взрывчаткой смысла, в любой момент истории могущий себя соответственно проявить. Но смысловая плотность диаметрально разнится от плотности вещественной: смысловая концентрированность не уменьшает, а увеличивает внутреннее пространство произведения человеческого духа. Таким образом, каждое отлитое в форму

² *И сказал Бог: да соберётся вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так.*

И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями.

И увидел Бог, что это хорошо.

И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, древо плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так.

И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду её,

И древо, приносящее плод, в котором семя его по роду его.

И увидел Бог, что это хорошо.

И был вечер, и было утро: день третий.

человеческое творческое побуждение открывает дверь в мир внутреннего; дальнейшее движение в глубину осуществляется целенаправленной и энергетически потентной деятельностью. Есть феномены имманентного: рубенсовская фамильярность и жирные складки толстовского бытовизма. Но есть и трансценденталисты в культуре: Феофан Грек и Эль Греко, Фра Анжелико и Андрей Рублёв. Таким образом, мы имеем материальный объект, который суть только тоннель, уводящий в бесконечность. Так или иначе, но культура служит переводу внешнего во внутреннее: плоскости картины – в пространство сюжета, линейной протяжённости – во внутреннюю бесконечность. В древние эпохи (время окончательного окультуривания континентальных аборигенов) размерность произведения равнялась величине первообраза или пропорционально уменьшалась при переводе в материал. Китайско-японская эстетика пустот – это туземец, поднявший звериную морду к небу и поразившийся его величию. Здесь бы ему небесного лодмана, обучающего искусству воздушного плавания... да совершенномудрые покинули его и ушли. Поэтому воспоследовала абсолютизация всего унаследованного у Учителей, появился хронический священный трепет перед масштабностью мира, описанного ими. А также канонизация слов (яркий пример: еврейско-европейская пляска вокруг *тетраграмматона*, явившегося дальним отзвуком древнеегипетских откровений). Буквоедство – не метафора: священные тексты, заклинания, магические формулы, зафиксированные на папирусе, запихивались в рот и поедались. Дерево превратили в каменный уголь: огонь из него ещё можно было добыть (путём сжигания), но прирост – нет. Истина забурлила вокруг запруды и пошла разливом окрест. Ибо живой космос нельзя сделать астрологической схемой. Демократия атлантов сменяется рабством разопсевших в набобстве профанов. Но до нашей эры мощности мерились не лошадиною силой, а человеческой силой раба. Приход на Землю Планетарного

Логоса был необходим для объединения рабов и господ земных общим знаменателем Царя Небесного. Этот период был перемышкой в “песочных часах” Истории и мёртвой точкой человеческого прогресса (имеется в виду процедура образования культурного сорта из дичков аборигенства). Затухающему в силу инерции движению колеса человеческой эволюции следовало придать революционную энергетическую подпитку. Была установлена туго актуализируемая демократия “рабов божьих”, после чего началась работа по внедрению в жизнь первых двух заветов Христа: Свободы и Равенства. Имелась в виду свобода “выйти на старт” и равенство “линии старта”. Но Братство... братство оказалось возможно насаждать (вспомните садовника из «Цитадели» Антуана де Сент-Экзюпери) только “оазисно” или подпольно. Весь экстатический утопизм двух последующих тысячелетий был инспирирован именно этим. Первые две ступени трёхчленной формулы были только “взлётной полосой”. Брат – это тот, кто выбран, избран из толпы окружения. Для единослужения, взаимопомощи. Так египетские жрецы вдвоём производили астрономические замеры стояния звёзд. В пределах братства и возникает подлинная (духовная) культура. – Заповедник учения («твёрдая пища» Христа). А в ареале – поп-культура, мир ярмарки, шуток, притч, назиданий, морального законодательства.

Когда социальные структуры стали вырождаться, в монастырях появляются веселый забулдыга Ейвставий («Гаргантюа и Пантагрюэль») и злобный фанатик Ферапонт («Братья Карамазовы»). Эзотерика, изгоняемая из цитаделей учёности, уходит в народ, соединяется с Рекой Знания, текущей изначально, и образует подлинно демократическую стихию её хранения и саморазвития. Этическое многословие начинает ужиматься до семиотических концентратов; каждое слово прорастает третьим измерением, шрифт становится “объёмным”, глубинно-значимым.

После того, как величественные надземные “гробницы” египетских фараонов стали расхищаться, хранители знания перенесли свои сокровищницы в подземелья. «Не мечите бисер перед свиньями» – горькая констатация факта, а не выпренное пожелание чистоплюям. Устройство тайного хранилища (за последним – самого последнего, сокровенного, которого не дотянула бы жадная рука троглодита) становится основной заботой наследников Учителей. Глубина в духовной культуре – не прихоть, не пижонство, но воздух дыхания и способ выживания.

Известно, что человек, доведённый до отчаяния унылой жвачкой бытия, бросается очертя голову со скалы одиночества в воды познания, но он не разбивает себе голову только в океане гностической плеромы. Вера способна породить или фанатиков, или отступников. Духовное знание, не оскудевая, насыщает тысячи (хлебы и рыбы Христовы). Структура знания идентична структуре космического генокода. Оно приходит из бесконечности и в неё уходит. Подсоединение к этому божественному транзиту расширяет горизонт человеческого видения беспредельно. Выход в трансцендентное за пределами жизни (состояние до рождения и состояние по смерти) сообщает остойчивость человеческому пребыванию на Земле, какой невозможно добиться путями культа. Отправления культа есть стояние на месте, оно приводит к отравлению всего организма человека ядовитыми парами неуверенности (пресловутый «опиум для народа»), которое выражается знаменитым воплем: «Верую, Господи, – помоги моему неверию!». Каверны и волдыри невежества загоняются внутрь, и, в конце концов, индивид становится пустопорожним чучелом человека («полые люди» Томаса Элиота). Божественный гнозис, приводящий людей к самостоятельности, к бытию, исполненному достоинства, соответствует пониманию русской народной мудрости «Бог-то Бог, да будь и сам не плох». Именно такие люди

могут создавать нечто на земле, сотворчествовать Богу; «тварь дрожащая» может лишь ползать в пыли дольней и корчиться от страха. Именно потому, что дальнейший прогресс (английское progress – путь к благой цели; здесь – возвращение на круги своя древнейших цивилизаций) возможно осуществить руками “человека прямоходящего”; “ползуны” обречены на вымирание. Но и система жизни человека нового типа должна строиться по ноосферным, а не биосферным законам, т. е. на основе развёртки вовнутрь. Эзотерическое предание говорит о шести миллиардах особей как о критическом числе экипажа космического корабля, называемого Земля. В последние десятилетия появились первые симптомы стряхивания лишней массы (озоновые дыры, СПИД), то есть Небесная Иерархия даёт понять, что человечеству пора переходить от количества к качеству, от зоологии – к высшим гуманистическим ценностям. Когда, пробираясь через тела спящих вповалку в вагонах польских эмигрантов, Антуан де Сент-Экзюпери размышлял о судьбах мира в периоды катастроф, его тревожила одна мысль, что в конвульсиях этой человеческой массы «может погибнуть Моцарт».

Что же создаёт из аборигена – Моцарта? Та глубинность, которой начинают обладать предметы и вещи, окружающие человека. Высушенная кость – ничто; она же с нанесённой на неё схемой лунных фаз, сатурническим календарём – ёмкий источник информации. Таким образом, превращение деревянной колоды в скрипку Страдивари является универсальной моделью пути земного развития под водительством человека. Пути от тупой предметности к тончайшей восприимчивости космического резонатора, способного общаться со всей Вселенной. Путь возрастания духовной емкости. Эта специальная статусность Человека обеспечивается: первое – кучностью, т. е. суммированием усилий многих, главным сокровищем Братства; второе – “рытьём тоннелей” вглубь предметного окружения, т. е.

не количественное, но качественное постижение мира; третье – созданием второй природы, культуры, задание которой – актуализация глубины, возвращающей человеку простор дыхания, “делянку выгула”, пространство (место для странствий). Поэтому пространство культуры есть собственно *антропное*, а не биотропное пространство, особая среда обитания человека.

Мысль человека, при помощи которой он осуществляет свободную трансмиссию внутри космического пространства, нуждается в полигонах, тренировочных площадках, взлётных полосах и тоннелях разгона. Каждая серьёзная творческая конструкция должна иметь форму и технозадачу духовного токамака; разгонка (“возгонка” алхимиков) человеческого духа – вот подлинная цель цивилизационной деятельности. Цивилизация – это культура, ставшая нормой. Таким образом, концентрация человечества в крупных местах проживания и само его численное увеличение без агрессивного уничтожения слабейших (т. н. “естественный” отбор) возможен только за счёт увеличения внутреннего умозрительного пространства, пространства культуры.

Как же осуществляется сматывание гоголевской погонности в катушки компактных энергоёмкостей?

Прежде всего, работает главный эзотерический принцип, принцип аналогии: «что вверху, то и внизу». Речь идёт о программировании шага витка, который структурирует систему по вертикали, а не только по горизонтали линейности. В литературной ткани романа воспоминания и внутренние монологи служат цели выхода из потока времени в состояние возможности мгновенно и с абсолютной (в пределах способностей нашего воображения) свободой переноситься в любую точку пространства, пройденного или ещё не пройденного и лежащего бесконечно окрест. Пространство культуры – это “дикое” пространство мироздания, обихожное

человеком-творцом с деликатностью и обстоятельностью, эталоном которых служат японские сады и соловецкие озера. Нечто подобное сотворил Л. Толстой с войной 1812 года.

Но возникают и негармонические сочетания. Жажда совершенствования уводит человека от “скуки” гармонии к страданию драмы. Ибо «познание и любовь одно, и страдание мера их». А человек в любви ненасытен и жаден. Он уязвлён бесконечностью Творца и культивирует её в себе безудержно. Да и как можно определить меру – любви? Должно же быть в мире хоть что-то безмерное...

Вот почему пространство культуры есть своего рода верёвочная лестница, запечённая в каравай, предназначенный узнику в одиночке!

Гениальной иллюстрацией этому служит Молитва Одиночества из «Цитадели» Антуана де Сент-Экзюпери. Вот она:

«Сжался надо мной, Господи, так тяжело мне моё одиночество. Мне некого ждать. В этой пустой комнате мне не с кем сказать ни слова, и не о визитёрах взываю я – в толпе я ещё потерянной. Но такая же одинокая рядом в такой же пустынной комнате счастлива тем, что где-то в этом же доме обитают те, кого она любит. Она не слышит их и не видит. Здесь и сейчас она ничего не получает в ответ. Но всё, что нужно для её счастья – это знать, что дом её обитаем.

Господи, я не прошу тебя ни о чём видимом или слышимом. Твои чудеса слишком возвышенны для простых чувств. Но исцели меня, Господи, просветив, где же моё пристанище.

У путешественника в его пустыне всё же есть, Господи, его дом, с которым он связан незримо, даже оставив его на самом краю света. И что ему расстояние; если он умирает – он умирает в любви... Я не прошу тебя, Господи, чтобы моё жилище было поблизости.

Путник заметил лицо в толпе, и вот оно превращается в лик лишь для него одного. Также и солдат, влюблённый в свою королеву. Он становится воином королевы. Я не прошу тебя, Господи, чтобы обитель моя была мне обещана.

По просторам морей рыщут искатели, сжигаемые страстью к острову, которого нет. И они поют, эти навигаторы, песнь об острове, и они исполняются веселия. Не остров дарует им счастье, а песнь. Я не прошу тебя, Господи, чтобы обетование моё было где-то на самом деле.

Одиночество, Господи, плод нездорового духа. Оно не гнездится ни в чём отдельном, но лишь в смысле вещей. Также и храм, который есть смысл камней. И нет иной цели на свете. Не предметы рожают радость, но единственный Образ, к которому ведут все следы на просторах, где ещё не ступала нога человека.

Верни мне простоту, которая учит читать. Тогда, Господи, кончится моё одиночество»³.

Итак, пространство культуры есть фиксация ментального освоения Хомо Сапиенсом окружающей среды и своей внутренней ёмкости. Пространство культуры существует до тех пор, пока существуют памятники культуры, своего рода хранилища духовного опыта человечества. Экзюпери описал творческую деятельность человечества, как вкладывание мёда откровения в соты вечности. Тем повышается “калорийность” пищи грядущих поколений, обеспечивается и стимулируется возрастание Человека.

Собственно, другого пути нет. Движение назад или вперёд кардинально. Следовательно, “застой” есть регресс недостойности, недобора, недостачи. С другой стороны, всякие истерические попытки взять небо штурмом, “попасть в дамки дуриком” или по большому благу (знаменитое выражение «у Бога за пазухой») –

³ Перевод мой. – ОК.

безнадёжны; извращённое в этом смысле учение о Благодати развратило европейское человечество, а атаман Кудеяр стал образцом праведности. Псовая преданность Хозяину сделалась основной добродетелью. «Верноподданный» стало высшим званием мирских и клерикальных деятелей. Конформизм, униформизм и формализм, в которых погряз абориген континентов, стали, прежде всего, бороться с глубиной (голубиной) духовности, выдвинув лукавый тезис опрощения к состоянию доавельского животного примитива, на что народные мудрецы ответили философски: простота хуже воровства. Свобода – удел сложных, примитивы живут в стадах. Сложные структуры (и системы) требуют упорядоченности; собственно, порядок может быть внутри только сложных систем (напоминаю, что *порядок* по-гречески – *космос*). Два шара на плоскости невозможно расположить беспорядочно. И здесь мы переходим к Божественному Порядку, Этому; порядочным бывает только сложный человек – или изначальный примат, с которого, как говорится, нечего взять.

Итак, этика есть Порядок сложных систем: от Хомо Сапиенса – и выше, в глубины небесной Иерархии (см. о ней у Дионисия Ареопагита). Задача Человека распространить её в низшие сферы (животные, растения и т. д.). Этика есть порядок, понятый не как внешний закон (очередь), но как внутренняя духовная анатомия. Это и есть подлинная Благодать, сиречь душевная гармония Богоподобия. У её ярких носителей она выплескивается через край, проявляется вовне как крайность неординарного поведения противу правила: «С волками жить – по-волчьи выть». Для этих светочей гамлетовская рефлексия “выть или не выть” уже неактуальна. Об этом «Идиот» Достоевского. Князь-Христос Мышкин царит над скопищем приматов, в котором разница между Настасьей Филипповной и Фердыщенко ничтожна. Он парит над ними, призывая к полёту других. Бескрылый Рогожин приканчивает Настасью, именно чтобы та не

рыпалась. Ибо противны червю крылья ангела и кажутся уродством, хаму Христос – идиотом. А где же их территория, если, как говорил Вийон, «я выгнан отовсюду»? – Пространство культуры. Здесь они обитают и живут, здесь им не тесно и вольготно. «Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь...» Это пространство – монастырь без ограды. Там другие законы. «Гений и злодейство – две вещи несовместные». Туда нет входа по красным книжечкам и контрамаркам. Это царство “гамбургского счёта”. Царство Свободы (не путать с произволом, ибо произвол – это деяние примитивных систем). – «Неправда! А Бонаротти?.. Иль это сказка тупой, бессмысленной толпы...»

В пространстве культуры материализовано только эхо, ибо звук – предвечен («...исполнись волею Моей!..»). Пространство культуры – трансцендентно, поэтому «рукописи не горят». Имманентность материального носителя не должна вводить нас в заблуждение: рукопись не равна бумаге. Здесь нет запретов, табу, ограждений: «Возлюби – и делай что хочешь». Алтарная часть этого пространства – ниша духовной культуры, отделена диаметральной перестановкой акцентов: изба для человека, а не человек для избы; но – человек для храма, а не наоборот. Ибо «зачем эта дорога, если она не ведёт к храму?». Поэтому «Джоконда» охраняется с тщательностью, с которой не охраняется ни один человек. Поэтому таков финал брэдбериевского «Фаренгейта» (притча о Библии). «...Как некий херувим он несколько занёс к нам песен райских...». Для вожделеющего Сальери вход туда запрещён. Внутренним запретом их собственной гордыни. Хотя Моцарт и великодушно приглашает: «...Он же гений, как ты да я...». «...Что пользы в нём?» – шипит она как змея и кусает себя за хвост. А светлая душа Моцарта?.. «...Но звуков небес заменить не могли ей скушные песни Земли...» Моцарт – трансцензус. А пространство духовной культуры плавно переходит в пространство Вселенной.

Поэтому складировать возможно только объекты, начинённые такой начинкой. Только вечные ценности являются кирпичами Храма Культуры – итогового Храма на Земле. Ибо он будет Храмом Братства на Земле (с условными стенами) и своего рода пушкой, способной выстреливать в небеса со скоростью, превосходящей силу земного притяжения (с условным потолком). Одиночные полёты и полёты небольших экипажей и раньше происходили, время от времени. Но в массовом (однако, без пересечения приглашением черты недостойности) и транснациональном (пресечение агрессивности в среде просвещённого человечества) смысле это должно случиться впервые. Таким образом, ноосфера (пневмосфера, информационное поле) есть место сосредоточения “корней бытия” – глубинных структур онтологических сущностей, освоенных и улучшенных человеком. Творение *гения* суть абсолютный трансцензус, но и *талант*, более принадлежащий Земле, тоже взыскует «Небесного града», стены которого безразмерны, но тверды, являясь надёжной защитой от потенциального зла. Мощностъ того и другого качества сообщается творениями человека, совершенными по форме и бездонными по содержанию. Так же как совершенная музыка живёт в совершенной скрипке Страдивари. Космос откликается, но не грубо призывает. Но если творение вышло неудачно, то он холодно “стирает его с доски”. Неудачный эскиз человека – *дино сапиенс*⁴, был так “стёрт с доски”, ибо хоть и мог уже с пониманием глядеть на небо, но сотворчествовать не мог. – Для творчества нужна была горячая кровь! – То есть огонь внутри. – Соляная, звездная структура.

Итак, есть два пространства: малое пространство поп-культуры, прикладываемое к человеку, и большое

⁴ *Дино сапиенс* – гипотетический вариант первого разумного биологического вида на Земле: Динозавр Разумный.

пространство духовной культуры, к которому прикладывается человек, – посвященный алтарь Всечеловечества – Метачеловечества – Богочеловечества. Пространство дансинга – и пространство «Божественной комедии». Так же как и два человечества: малое человечество количественного “большинства” пустой породы и – Большое человечество качественного “большинства” золотников, каждый из которых, как известно, «мал, да дорог». – То есть евангельские «званные» и «избранные». Тоже и критерий дальнозоркости. С одной стороны – забота Н. Фёдорова о воскрешении ставших перегибом дальних предков, с другой – «после меня хоть потоп». Человечество объединяется транснационально, трансэтнически, транскультурно, чтобы потом сепарироваться на верных (вернадских) и неверных. Ибо пространство культуры не место для массовых гуляний типа нового Арбата, ставшего полигоном китча. Менять место нельзя – надо менять человека. Окалина остаётся на наковальне. Абориген, плюющий в вырытый атлантом колодец, а затем и гадящий в него, должен остаться при этом колодце и пить из него. Сухая смоковница недостойна сожаления – отныне это просто дрова. «Кто не ценит жизни, тот её не достоин», говорил Леонардо! *«И я отвожу от них взгляд»*, царственно подтверждал Экзюпери. Но докричаться надо до всех, чтобы ни один, способный откликнуться, не был забыт. Все силы нации (и человечества в целом) должны быть брошены на воспитание. Только начинать надо с себя. Недостойнство, вооружённое даже Откровениями, не способно воспитывать. Поэтому учительские инициативы должны быть сосредоточены именно вокруг пространства культуры: от хождения на цыпочках веры оглушённого оглашенного – к раскованному полёту свободного авиатора знания. Недаром первые христиане называли себя гностиками, что приличествует и соответствует тем, кто общался с самим Планетарным Логосом, ибо

постулаты Христа перешли после этого события из разряда проблематичной прогностики в состояние прямого гнозиса. “Духовное пьянство” связано именно с наркотиком веры – духовное трезвение – со знанием. Само понятие «сознание» суть состояние *совместного знания* в братстве (кстати, также как и счастье), а братство – и созидатель, и наполнитель, и потребитель культуры. Недаром классика отличается от вэрайти именно системностью, стройностью (с внутренней мелодией троичности). Таким образом, путь пролегает от самости самопознания – к развёртке личности в полноте троичности, к соборности, к братству.

Поэтому потентность к хранению духовной культуры в материальных носителях становится чрезвычайно важной; органопроекция (термин П. А. Флоренского) особенно важна именно в этой – главной – области человеческой деятельности. Книгопечатание, звукозапись, компьютерная техника, телевидение апологетичны только в сфере духовной культуры. То, что не выстраивает человека, то его убивает. Нейтральной позиции не существует. Смерть противоположна не жизни, а бессмертию, т. е. не быванию, а Жизни вечной. И то, что служит этой последней, суть благо, а то, что не служит – несчастье для человека. Поэтому массовая культура, которая построена на паразитировании на слабостях человека, на подыгрывании его недостаткам (с убойным наркотиком лести), есть орудие смерти. Пора это высказать, понять и отделить зёрна от плевел. Атмосфера вокруг человека: вода, воздух, эфир – слишком загрязнены, зашумлены, засорены; посвятительные структуры должны стать шлюзами, отстойниками, фильтрами на пути разгула недостойности. Демократия не должна быть стимулом к тотальному упрощению бытия. Тоталитаризм – культ и вера мещанина; он жаждет фюреров, дуче и вождей (за которыми кроется один и тот же плюгавый цахес, *вошьдь*). Он жаждет, чтобы бесконечность заткнули красивым задником Любимца

Народа. Ему не нужно – страшно! – пространство, – он не желает странствовать, он всё хочет здесь и сейчас. Книга для него – чтиво, музыка – танцы, изображение – комикс или карикатура. И он яростно блюдет свой потолок, считая остальное патологией.

Пространство культуры – генерирующая структура, она враг дегенеративизма. Но только не в смысле рода! Предыдущая эпоха показала нам, насколько это бесперспективно. Родовая “аристократия” оправдывает привилегированность любого выродка “гербовой бумагой”, включая и туалетную. Простая и ясная мысль о духовной аристократии оказалась повисшей в воздухе пустой мечтой. Архиматериалистическое доверие только к перемножению плоти, к “своему помёту” (с придиричивым оглядыванием, ощупыванием и обнюхиванием) под дымовую завесу выпренной болтовни о духовных проблемах, христианстве, соборности и софийности отличало густопсовые кондиции человеческого бытия последних столетий. Впрочем, как и предпоследних. В том числе и в нашей “любезной *акцизне*”. Духовное родство – принцип высшей связи на земле (не сын-отец, не муж-жена, а гуру-чела), и ныне, наконец, он начинает реализовываться. Никто не помнит, как звали и кем был отец Вивекананды, но имя его Учителя знают все. «Ученик Вернадского» значит больше, чем отчество в паспорте (за исключением Кирилла Павловича Флоренского, бывшего сыном-учеником сразу двух отцов). Именно свобода трансмиссии достойных и недостойных в обе стороны выгодно отличает духовное родство от плотского. Конечно, у Христа “был” Павел, но у него был и Иоанн Богослов. Тогда как папаше Морозову деваться от сына Паши было некуда.

Так где же начинают концентрироваться силы верных, где собирается духовное братство? – В пространстве культуры. Именно оно объединяет силы света, именно оно создаёт единое человечество. И только недостаточная

интегративная сила из-за почти полной разрушенности европейских духовных структур, сильная зашумлённость из-за отсутствия “очистных сооружений” в культуре (естественная фильтрация стала слаба против искусственного загрязнения) мешает происходить этому процессу максимально плодотворно. Кроме того, стены, двери и замки тайных братств, породившие в XIX веке “железобетонные” пародии партийности, подлежат отмене для чистоты эксперимента, ставящегося на Земле. Служить “цепным псом” дело нехитрое; бегать “без поводка и без ошейника” – подлинное искусство. Пушкинское случайно оброненное «учитесь властвовать собою» становится главным заветом новой эпохи, эпохи Культуры.

Развивайтесь, врастайте корнями в многовековую толщу духовных накоплений человечества (единственную питательную почву для Хомо Сапиенса), совершенствуйтесь, переходите из класса в класс в Школе, где межклассовая борьба в принципе невозможна, где процветает классовое сотрудничество, помощь старших младшим. Кстати, слово «товарищ» именно из этой структуры, и провал его в «стране господ, стране рабов» не случаен. *Соком смысла* (термин Антуана де Сент-Экзюпери) обладает только духовность; всё прочее – «слова, слова, слова...»

Раздвигайте стены жилищ полками для книг, но ставьте на них лишь то, что не подлежит одноразовому пользованию. Не надейтесь, что ваше складирование мусора пригодится детям; человек новый – единственный, кто имеет шанс не только выжить, но и жить, проживая за жизнь тысячелетия – будет брезгливо нести в макулатуру все эти ваши детективчики и фантастику, ибо эта псевдолитература уступит место слову раскованному и глубокому, слову учительскому и пророческому, слову окрыляющему, а не крадущему, наживаясь, у вас время и, в конце концов, жизнь. Индустрия развлечений – вынужденный суррогат, нейтрализующий аборигенно-

звериную агрессивность. Индустрия развлечений суть наркотик, притупляющий чувство смертности как уничтожения в финале, и смертности как несвободы в процессе жизни. Это нечто вроде хорошей кормёжки скота перед убоем, но если скот сам хочет такой беззаботной еды, пока не завизжит под ножом у резника, то туда ему и дорога. Каждому своё. А я выбираю свободу, как сказал Поэт. Свободу голодухи, но и пути к бессмертию.

Поэтому пространственные развертки серьёза есть своего рода «Луг духовный»⁵, на котором играют души Света. Это пастбище агнцев Божиих, поле наведения ведения, полигон дерзновения творчества. Здесь Шекспир соседствует с шейхом Кабиром, Конфуций не конфузится при виде Сафо, Гомер моргает слепыми глазами, вслушиваясь в сонеты Камюэнса. Касталия сначала образовалась де-факто, а потом была спроектирована Германом Гессе. И топос её – пространство культуры, место упокоения и благостного пребывания всех утопий. Мир здоров, потому что они не осуществляются. Но мир разумен, потому что они есть.

⁵ Намёк на название произведения христианского писателя VI-VII века Иоанна Мосха.